

Сергѣй Дурылинъ.

КАНДАЛАКШСКІЙ „ВАВИЛОНЪ“.

(Къ изученію сѣверныхъ лабиринтовъ).

Москва.

—
1914.

Отчетъ о поѣздкѣ на Сѣверъ.

Кандалакшскій „вавилонъ“.

(Къ изученію сѣверныхъ лабиринтовъ).

Вопроſъ о сѣверныхъ лабиринтахъ, ихъ происхожде-
ніи и назначеніи, представляется однимъ изъ наиболѣе
темныхъ и невыясненныхъ въ археологической наукѣ. Вся
русская литература по данному вопросу исчерпывается
интересной статьей А. А. Спицына „Сѣверные лабиринты“
въ 6-омъ выпускѣ „Извѣстій Императорской Археологиче-
ской Комиссіи“ (СПБ. 1904 г. 101—112) и небольшой за-
мѣткой А. В. Елиſѣева. „О такъ называемыхъ вавилонахъ
на сѣверѣ Россіи“ въ „Извѣстіяхъ Географического Обще-
ства“ (томъ XIX, 1883 г., стр. 12—16). Значительно бо-
гаче иностранная литература, но невелика и она. Сѣвер-
ные лабиринты возбуждаютъ у изслѣдователя немало
важныхъ для науки вопросовъ, но, по справедливому за-
мѣчанію А. А. Спицына, „рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ
затрудняется крайнимъ недостаткомъ свѣдѣній“¹⁾.

Нѣть сомнѣнія, что дѣло изученія сѣверныхъ лаби-
ринтовъ находится еще въ начальномъ періодѣ накопленія
свѣдѣній о нихъ и описанія существующихъ лабиринтовъ.

Доселѣ не было обнародовано никакихъ свѣдѣній о
весъма замѣчательномъ Кандалакшскомъ лабиринтѣ на рус-
скомъ Сѣверѣ; лабиринтъ этотъ не былъ извѣстенъ ни ака-
демику Беру, первому сообщившему свѣдѣнія о сѣверныхъ

¹⁾ А. А. Спицынъ. Сѣверные лабиринты. „Извѣст. Имп. Археол.
Комис.“, VI, стр. 111.

лабиринтахъ¹⁾, ни Елисѣеву, посѣтившему русскій Сѣверъ, ни Спицыну; между тѣмъ, въ Кандалакшскомъ лабиринтѣ есть много характернаго для сѣверныхъ лабиринтовъ вообще, и посильное его изученіе можетъ быть нѣкоторой лептой, вносимой въ дѣло изслѣдованія сѣверныхъ лабиринтовъ.

Кандалакшскій лабиринтъ былъ посѣщенъ мною въ іюнѣ 1911-го года, во время моей командировки на Сѣверъ, въ Архангельскую губернію, отъ Московскаго Археологическаго Института.

Подъ именемъ сѣверныхъ лабиринтовъ должно подразумѣвать лабиринтообразныя сооруженія, сложенные на землѣ изъ невысокихъ камней эрратического происхожденія, встрѣчающіяся въ Сѣверной Европѣ, въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и Лапландіи. Ни время сооруженія лабиринтовъ, ни ихъ назначеніе и цѣль, съ какою они сооружались, не могутъ быть въ настоящее время указаны съ достовѣрностью. Типическимъ сѣвернымъ лабиринтомъ нужно считать лабиринтъ изъ лежащихъ на землѣ небольшихъ камней, представляющій изъ себя кругъ, овалъ или элліпсъ, съ заключенными въ немъ концентрами внутреннихъ ходовъ, также имѣющими соотвѣтствующую форму круга, овала или элліпса. Эти ходы приводятъ или къ тупику, или къ центру, обыкновенно представляющему изъ себя невысокую кучку камней, нѣсколько большихъ по размѣрамъ, чѣмъ тѣ, изъ которыхъ образованы ходы.

Описываемый мною лабиринтъ расположенъ въ Архангельской губ., на такъ называемомъ Кандалакшскомъ берегу Кандалакшской губы Бѣлаго моря, въ трехъ верстахъ къ востоку отъ села Кандалакши.

¹⁾ E. Baer. Ueber labyrinthphörmige Steinsetzungen im Russischen Norden въ „Bullet. de l'Academie de St.-Pétersb.“, V. I (1844 г.), стр. 70—79.

Мѣстность, въ которой находится Кандалакша, интересна во многихъ отношеніяхъ: это мѣстность съ большими историческимъ прошлымъ. Кандалакша есть отправной пунктъ огромнаго водно-волокового пути черезъ всю Лапландію къ берегамъ С. Ледовитаго океана, къ г. Колѣ. Бассейны С. Ледовитаго океана и Бѣлаго моря раздѣлены между собою на этомъ пути водораздѣломъ всего въ версту съ небольшимъ; за вычетомъ этой версты, все остальное разстояніе между Колой и Кандалакшой, исчисляемое въ 228 верстъ, представляетъ сплошной водный путь между Бѣлымъ моремъ и океаномъ, идущій по рѣкамъ и озерамъ и прерываемый волоками въ тѣхъ мѣстахъ, где пороги и падуны (водопады) дѣлаютъ рѣку или озеро недоступными для судовъ.

Этотъ водный путь былъ извѣстенъ уже въ древности; онъ служилъ торговымъ путемъ для новгородцевъ, пользовавшихся имъ для сношеній съ норвежцами и финнами. Конечный пунктъ этого пути на сѣверѣ былъ г. Кола, впервые въ лѣтописи упоминаемый въ 1264 году въ договорѣ новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ Ярославовичемъ Тверскимъ о независимости Колы отъ князя.

Конечный южный пунктъ пути—селеніе Кандалакша, основаніе которой должно быть отнесено едва ли не къ тому же временіи, какъ и основаніе Колы: по крайней мѣрѣ, въ XVI столѣтіи Кандалакша была даже болѣе значительнымъ селеніемъ, чѣмъ Кола. Въ борьбѣ московскаго государства съ Даніей, а впослѣдствіи со Швеціей за обладаніе Мурманомъ и Лапландіей¹⁾, оба города играли важную роль.

По свидѣтельству Іакова Перссона, бывшаго секретаря Норботтенского фохта, посѣтившаго эти мѣста въ

¹⁾ Различные эпизоды этой борьбы по норвежскимъ и русскимъ первоисточникамъ изложены Г. Ф. Гербелемъ въ исторической части его большого сочиненія „Наша сѣверо-западная окраина Лапландія“. „Русское Судоходство“, 1904 г. № 10—12, 1905 г., № 1—4, 6—8, 10, 11.

1581 году¹⁾, въ этомъ году въ Колѣ (Malmös) было 226 дворовъ, тогда какъ въ Кандалакшѣ (Candelax)—246. По его описанію: „Большой геродъ Канделахте. Въ немъ имѣется 246 дворовъ, а за этимъ городомъ монастырь, построенный изъ дерева, который имѣть солевареный заводъ съ 296 выварочными чанами“.

Надо думать, что и въ доисторическую эпоху мѣстность, занимаемая Кандалакшой, была обитаема. Однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ были найдены неподалеку отъ села два кремневыхъ топорика, несомнѣнно, принадлежащихъ къ каменному вѣку. Эти топорики стали, какъ ни странно, въ Кандалакшѣ врачебнымъ средствомъ: ихъ обладатель лѣчить ими отъ всѣхъ болѣзней, прикладывая топорикъ къ поясницѣ больного или давая ему пить воду, скаженную съ топорика. Продать топорикъ мужикъ не соглашался.

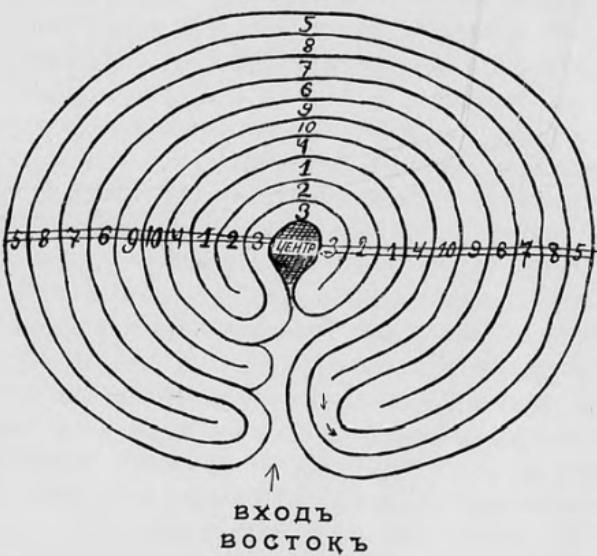
Кандалакшскій лабиринтъ расположень на узкомъ и низменномъ мысу, выходящемъ въ Губу,—по мѣстному названию, на „наволокѣ“, имѣющемъ особое название „холокъ“. Мѣстность эта зовется Малая или Меньшая Пятькуля. Неподалеку отъ лабиринта берегъ обрывается въ море двумя параллельными оползнями—трещинами, по мѣстному „щелями“. По преданію, эти огромныя щели—слѣва отъ лыжъ, на которыхъ чортъ катился съ горы. Чортъ докатился до середины губы, а тамъ сидѣла въ лодкѣ старуха, ловила треску. Она закричала на чорта: „Какъ хвачу веслишемъ по голенищамъ!“ Но чортъ только крикнулъ на нее,—и старуха окаменѣла, обратившись въ сырью скалу. Отъ берега мысокъ съ лабиринтомъ отдѣляется сухой каменистой отмелью, которая во время прилива покрывается водой. Растительности на мысѣ

¹⁾ См. переводъ его донесеній, хранящихся въ Riksarchiv въ Стокгольмѣ, въ статьѣ Г. Ф. Гербеля: „Къ вопросу о нашихъ пра-вахъ на Лапландію и смежныхъ съ нею части“.—„Извѣстія Архангельск. Общ. Изученія Русс. Сѣвера“, 1909 г. № 5, стр. 19.

Чертежъ 1-ый.

МОРЕ
ЗАПАДЪ

нѣть почти никакой. На каменистой почвѣ, съ еле-еле пробивающейся травкой, расположено самыи лабиринтъ,— по мѣстному названію *авилонъ*. Это—неправильной формы эллипсъ, имѣющій по діаметру въ длину 14 и въ ширину—10 шаговъ. Изъ небольшихъ валуновъ и ихъ осколковъ выложены невысокія (не выше $\frac{1}{4}$ аршина) концентры, образующія на первый взглядъ весьма запутанный чертежъ. Между этими тонкими и невысокими загражденіями изъ камней идетъ дорожка, настолько узкая, что на ней можетъ помѣститься лишь одна ступня. Входъ въ лабиринтъ всего одинъ—съ востока, со стороны, противоположной морю,—которое на западѣ (См. чертежъ 1-ый). Ходы—дорожки лабиринта образуютъ внутри эллипса концентры, весьма точно распределенные: отъ центра лабиринта, состоящаго изъ небольшой кучки камней, до любого изъ краевъ вавилона такихъ концентрическихъ ходовъ всегда равное число—10. Эти концентрическіе ходы образуютъ вокругъ центра вавилона три петли эллиптической формы. На первый взглядъ онъ всѣ три представляются одинаковыми; при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что правый (отъ входа) конецъ средней петли, при внѣшнемъ сходствѣ съ другими, отъ нихъ рѣзко отличенъ: ходъ, его образующій, внезапно раздваивается и образуетъ изъ одного—два хода, чего нѣть нигдѣ въ другихъ концахъ петлей; устройство лабиринта легче понять, если пройти по его ходамъ, обозначая каждый изъ этихъ 10 ходовъ соответствующей цифрой (См. чертежъ 2-ой).

Войдя въ узкій единственный входъ лабиринта, вы идете вправо, кружка близь центра: короткіе ходы 1, 2 и 3 образуютъ самую внутреннюю петлю, приводящую васъ къ центру—къ кучкѣ камней. Ходъ 4-ый уводитъ васъ вправо къ самому внѣшнему изъ концентровъ—5-ому; 5-ый концентръ заставляетъ васъ описать длинный путь по окраинѣ лабиринта и приводить къ 6-ому концентрическому ходу. Ходы 6, 7 и 8-ой составляютъ самую внѣш-

нюю и длинную петлю лабиринта. Восьмой ходъ приводить къ распутью: вмѣсто доселъ бывшаго одного хода—предъ вами два,—вправо и влѣво. Предположимъ, вы избираете ходъ вправо, 9-ый; онъ заставляетъ васъ описать среднюю петлю, составленную изъ 9-го и 10-го концентровъ, и приводить васъ внезапно ходомъ 10-ымъ къ тому же мѣсту, откуда вышли,—туда, где ходъ 8-ой раздѣляется на 9-ый и 10-ый. Если бъ вы изъ хода 8-го пошли не вправо, а влѣво, по 10-ому концентру, вы, точно также описавъ среднюю петлю, вернулись бы ходомъ 9-ымъ къ распутью. Въ этомъ—весь секретъ лабиринта, ясный на чертежѣ, но совершенно непримѣтный въ процессѣ ходьбы. Какъ бы ни мѣняли вы направленіе, предпочитая то 9-ый, то 10-ый концентры, вы не выйдете изъ лабиринта, если только, описавъ при помощи 9 и 10 концентровъ среднюю петлю и выйдя, предположимъ, слѣва, съ 10-го хода, вы не будете продолжать свой путь, не сворачивая, прямо впередъ, т. е. по восьмому концентру, въ направленіи, обозначенномъ стрѣлкой на чертежѣ 2-омъ. Идя по восьмому концентру, вы вновь, въ обратномъ порядке, опишите сперва внѣшнюю петлю (ходы 8, 7, 6, 5), затѣмъ внутреннюю, ближайшую къ центру (4, 3, 2) и, побывавъ вторично у центра, ходомъ 1-ымъ выйдете изъ лабиринта.

Сложность и кажущаяся одинаковость рисунка во всѣхъ его частяхъ скрываютъ „секрѣтъ“ вавилона во время ходьбы по его извилинамъ, и въ этомъ смыслѣ онъ является настоящимъ лабиринтомъ, не смотря на то, что ходы его видны, и черезъ нихъ легко перешагнуть. Камни эрратического происхожденія, изъ которыхъ сложены вавилонъ, не одинаковой величины: нѣкоторые изъ нихъ величиной съ голову ребенка, другіе—несравненно меньшихъ размѣровъ, вплоть до самыхъ маленькихъ галекъ; нѣть, кажется, ни одного камня, который нельзя было бы поднять съ земли руками. Сохранность вавилонныхъ круговъ удивительна: несмотря на то, что вавилонъ расположень

на совершенно открытомъ мѣстѣ, доступномъ яростнымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, дождямъ, бурямъ, которые такъ легко могли бы разметать по сторонамъ или просто смыть въ море небольшіе и нетяжелые камни „аввилона, они всѣ въ большой цѣлости, и концентры вавилона ясно видны и образуютъ по землѣ замѣчательно правильный чертежъ.

А. А. Спицынъ объясняетъ сохранность лабиринтовъ ихъ отдаленностью отъ жилья, нахожденiemъ въ болѣе безлюдныхъ мѣстахъ—при морѣ, на шхерахъ и т. п.¹⁾). Но, съ одной стороны, мы встрѣчаемъ прекрасно сохранившіеся лабиринты и вблизи жилья, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ строеній: наприм., большой Понойскій лабиринтъ, изслѣдованный К. П. Ревой²⁾); къ ихъ же числу относятся и 2 лабиранта, видѣнныя мною на Большомъ Заяцкомъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, также расположенные близъ жилья; съ другой стороны, преобладающее расположение лабиринтовъ въ безлюдныхъ мѣстахъ, на морскихъ мысахъ, островахъ, шхерахъ, совершенно открытыхъ дѣйствію опустошительныхъ сѣверныхъ бурь, дождей и вѣтровъ, врядъ ли могло способствовать сохранности лабиринтовъ, состоящихъ изъ небольшихъ, легко смываемыхъ и даже сносимыхъ вѣтромъ, камней; между тѣмъ, чертежи видѣнныхъ мною и другими изслѣдователями лабиринтовъ донынѣ въ большой сохранности, легко позволяющей дѣлать точную ихъ зарисовку.

Я осматривалъ два небольшихъ лабиринта на Б. Заяцкомъ островѣ, принадлежащемъ къ Соловецкому архипелагу; эти лабиринты опять-таки расположены на совершенно открытомъ морѣ, и опять приходится удивляться ихъ сохранности. Поневолѣ является мысль, не связана ли какимъ-либо образомъ, хотя бы отчасти, сохранность лабиринтовъ съ отношеніемъ къ нимъ мѣстного населенія,— отношеніемъ, внущеннымъ, можетъ быть, какими-либо

¹⁾ Спицынъ, op. cit., 104 стр.

²⁾ Ibid., стр. 108, и фотографический снимокъ на стр. 101.

суевъріями, связанными съ вавилонами? По крайней мѣрѣ, чрезвычайно умный крестьянинъ П., житель Кандалакши, показывавшій мнѣ мѣстный вавилонъ, дѣлалъ это не съ большой охотой и удивлялся, какъ я про вавилонъ узналъ, да на что мнѣ онъ нуженъ и т. п.; когда же я, изслѣдуя вавилонъ, бродя по узкимъ его ходамъ, нечаянно отодвигаль ногой камень въ сторону или, задѣбъ за маленький камешекъ, выбивалъ его изъ ряда и нѣсколько нарушаю тѣмъ правильность концентра, П. заботливо ставилъ камень на прежнее мѣсто, такъ, чтобы нисколько не измѣнялся чертежъ лабиринта. Такъ же поступалъ и старый монахъ, показывавшій мнѣ вавилоны на Заяцкомъ островѣ.

Всѣ обитатели русскаго сѣвера, слышавшіе или знающіе что-либо о лабиринтахъ, одинаково называютъ ихъ „вавилонами“. На мои вопросы крестьянину П. и соловецкому монаху, много лѣтъ живущему на Заяцкомъ островѣ въ одиночествѣ, почему это— „вавилоны“, я получилъ одинаковые отвѣты. Монахъ отвѣтилъ: „Вавилонъ бысть градъ великий,—оттого и Вавилонъ“. Крестьянинъ П. сказалъ то же нѣсколько подробнѣй: „Вавилонъ быль городъ древній. Войти въ него можно, а выйти нельзя“. Ни тотъ, ни другой не знали слова лабиринтъ. Название „Вавилонъ“, ставшее на русскомъ сѣверѣ нарицательнымъ для лабиринтовъ, должно быть сопоставлено съ тѣми названіями лабиринтовъ, которыя встрѣтились въ Финляндіи Аспелинъ¹⁾: это все названія городовъ, главнымъ образомъ, древнихъ: Троя, Гибелъ Иерусалима, Ниневія, Иерихонъ, Лиссабонъ. Ни одно изъ этихъ названій и вообще никакого другого, кроме „вавилонъ“, въ значеніи имени нарицательного, на русскомъ Сѣверѣ для лабиринтовъ не встрѣчается. Для объясненія русскаго названія лабиринтовъ— „вавилонъ“ необходимо вспомнить, что въ русской народной рѣчи существуютъ повсюду выраженія: „расшито вавилонами“,

¹⁾ Всѣ ссылки на этого финского археолога дѣлаются мною по статьѣ А. А. Спицына, въ „Изв. Имп. Археол. Ком.“.

„чертить вавилоны“, „писать вавилоны“, — т. е. расшито особохитрыми, запутанными кругами, чертить хитро-спутанные круги. Вавилонъ—нѣчто хитрое, запутанное, сложное, головоломное; „вавилоны, — по Далю, — запутанный, криволинейный узоръ“¹⁾.

Кто же и когда выклалъ эти вавилоны на землѣ? На этотъ вопросъ отъ мѣстныхъ жителей получаются невѣроятные отвѣты.

На Б. Заяцкомъ островѣ, гдѣ находится построенная въ 1702 году Петромъ Великимъ деревянная церковь во имя св. Андрея Первозванного, сооруженіе ближайшаго къ церкви лабиринта приписывается Петру Великому. По словамъ старичка-монаха, дѣло было такъ: „Петръ-то Великій стоялъ здѣсь съ кораблями, вѣтру-то, слышь, не было, надо было людей занять,—что имъ безъ дѣла-то? А лѣгко-ли: экое воинство! четыре тысячи человѣкъ. Онъ и приказалъ вавилонъ класть“. Великій Императоръ и въ дѣйствительности стоялъ около острова со своимъ флотомъ въ 1702 году, лабиринтовъ же на Б. Заяцкомъ островѣ три²⁾; изъ нихъ самый малый приписывается Петру Великому.

Относительно сооруженія Кандалакшскаго вавилона свѣдѣнія еще болѣе невѣроятны: по мнѣнію мѣстныхъ жителей, его происхожденіе таково: „Вавилонъ былъ городъ древній; войти можно, выйти нельзя. — Зачѣмъ же у васть-то тутъ вавилонъ? — А вотъ для примѣра, чтобъ видно было, положили. Когда Пугачъ еще былъ, до воли, — бѣжали сюда разные люди; послѣ, какъ Пугача поймали, они и выклали“.

¹⁾ Даль, В. И. Толковый словарь живого велико-русского яз., т. I, изд. 1880 г. стр. 161.

²⁾ Ихъ было три и въ 70-ыхъ гг. прошлаго столѣтія, когда ихъ посѣтилъ г. Кельсіевъ, работая для Антропологич. выставки. См. Спицынъ, оп. cit., 106.

По свидѣтельству А. В. Елисѣева, ¹⁾ вавилоны „рускіе приписываютъ или пустынникамъ, или разбойникамъ ²⁾, или сказочный Лопи“. Если второе указаніе совпадаетъ съ приведеннымъ выше объясненіемъ, то о первомъ, о происхожденіи отъ пустынниковъ, я въ Лапландіи и на Соловецкихъ островахъ, гдѣ, казалось бы, такъ легко и удобно приписать происхожденіе лабиринтовъ именно „пустынникамъ“, ничего не слыхалъ.

Кандалакшане отрицаютъ всякую связь „вавилоновъ“ съ лопарями (или „лопинами“, по мѣстному говору) и не только не приписываютъ ихъ сооруженіе Лопи, но утверждаютъ даже, что у Лопиновъ вавилоновъ нѣть, и они о нихъ ничего не знаютъ. Тѣ лопари, съ которыми мнѣ довелось имѣть дѣло при лодочно-пѣшеходномъ хожденіи чрезъ Лапландію изъ Кандалакши въ Колу, на протяженіи около 300 верстъ, подтверждаютъ это утвержденіе кандалакшанъ, такъ какъ про вавилоны ничего не слыхали и у себя, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ огромному озеру Имандра, не знаютъ ихъ вовсе ³⁾. Елисѣевъ утверждаетъ ⁴⁾, что вавилоны встрѣчаются по дорогѣ между Кандалакшой и Колой,—никакихъ слѣдовъ лабиринтовъ на этомъ пути я не встрѣтилъ, равно какъ и въ Хибинскихъ горахъ, тянущихся по правому берегу оз. Имандры.

Утвержденія кандалакшанъ и лопарей, съ которыми я имѣло дѣло, что внутри страны вавилоновъ нѣть, имѣютъ, какъ мнѣ кажется, большія основанія. Изъ всѣхъ, извѣстныхъ донынѣ лабиринтовъ въ Норвегіи, Швеціи,

¹⁾ А. Елисѣевъ. О такъ назыв. вавилонахъ на Сѣверѣ Россіи. „Извѣст. Имп. Геогр. Общ.“, т. XIX, стр. 12—16.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Въ числѣ этихъ лопарей былъ Иванъ изъ Вѣлогубской, на Имандрѣ, великолѣпно знающій старину и бывшій проводникомъ въ экспедиціи инжен. Риппаса при устройствѣ телеграфа между Мурманомъ и Архангельскомъ. См. Б. Риппасъ. Отчетъ о поѣздкѣ на Кольский полуостровъ лѣтомъ 1894 г. СПБ. 1895 г.

⁴⁾ Елисѣевъ, op. cit.

Финляндіи и Лапландіи, почти всѣ они расположены не внутри страны, а возлѣ моря. Аспелинъ, изслѣдовавшій до 50 лабиринтовъ Финляндіи, *внутри* страны нашелъ лабиринты всего лишь въ одномъ мѣстѣ,—въ Пеутюэ (Сатанунда). Внутри Лапландіи Елисѣевъ видѣлъ лабиринтъ близъ большого озера Энаре, которое сообщается съ океаномъ Пасть-рѣкой; относительно же многочисленныхъ, будто бы, лабиринтовъ по всей русской Лапландіи Елисѣевъ сообщаетъ лишь „слухи“. Никакихъ другихъ извѣстій о лабиринтахъ, расположенныхыхъ внутри страны, мы не имѣемъ ни для одной изъ странъ, гдѣ они встрѣчаются. Нѣть ихъ, надо полагать, и внутри Лапландіи: всѣ донынѣ точно извѣстные лабиринты Кольского полуострова и прилегающихъ къ нему частей Бѣлаго моря, расположены или на побережьяхъ, или на островахъ; о другихъ лабиринтахъ неизвѣстно ни ученымъ, ни мѣстнымъ жителямъ.

Отсюда намъ можетъ быть понятнымъ, почему нѣть связи между лопарями и вавилонами. Лопари сравнительно недавно поселились на Кольскомъ полуостровѣ; еще въ XIV вѣкѣ они встрѣчались несравненно южнѣе, около Онежского озера, а ранѣе обитали еще южнѣе ¹⁾; въ географическихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Муромского края С. К. Кузнецовъ нашелъ явные слѣды лопаскаго языка ²⁾. Лопари не любятъ моря, и только нужда (оскудѣніе лопарскаго оленеводства) заставляетъ ихъ искать морскихъ промысловъ; лопарь—по природѣ кочевникъ, охотникъ, скотоводъ, а никакъ не мореходецъ и морской промышленникъ. Не удивительно поэтому, что вавилоны, связанные почти всегда съ моремъ и морскимъ берегомъ, не могутъ никакъ быть связаны ни въ какомъ отношеніи

¹⁾ См. о времени поселенія лопарей въ нынѣшней Лапландіи историческую часть замѣчательного труда Н. Н. Харузина: *Русские Лопари*. М. 1890 г.

²⁾ См. С. К. Кузнецовъ. *Русская историческая географія*. Часть I Изд. Моск. Археологич. Инст. 1907 г.

съ лопарями, всегда избѣгавшими моря, народомъ сухопутнымъ.

Какъ мы уже указывали, нѣть ни одного совершенно достовѣрного указанія на то, кѣмъ, когда и для чего сооружены сѣверные лабиринты. До сихъ поръ данныя въ наукѣ опредѣленія этого рода взаимно исключаютъ другъ друга. Русскій академикъ Берь, первый изслѣдовавшій нѣкоторые изъ лабиринтовъ въ первой половинѣ XIX ст., склоненъ былъ думать, что сѣверные лабиринты служили памятниками историческихъ событий¹⁾. Финнскій археологъ Аспелинъ относилъ финскіе лабиринты къ бронзовому вѣку. Елисѣевъ съ нимъ согласенъ²⁾. Наконецъ, Н. П. Кондаковъ и Я. И. Смирновъ высказали, по словамъ А. А. Спицына, въ Императ. Русс. Археологич. Обществѣ, „что сѣверные лабиринты должны быть поставлены въ связь съ средневѣковыми церковными лабиринтами“³⁾. По этому поводу остроумно замѣчаетъ самъ А. А. Спицынъ, что „разсуждая безпристрастно, невозможно придумать, для совершенія какого религіознаго христіанскаго обряда или обычая могли бы служить сѣверные лабиринты, тѣмъ болѣе, что большую часть года они покрыты снѣгомъ. Свѣтскій или даже языческій характеръ этихъ сооруженій представляется болѣе вѣроятнымъ“⁴⁾.

Для сужденія о происхожденіи и истинномъ назначеніи сѣверныхъ лабиринтовъ мы имѣемъ слишкомъ мало матеріала, и вопросъ этотъ пока долженъ остаться открытымъ. Но въ томъ матеріалѣ, который на лицо, есть даннія, могутія, какъ намъ представляется, дать нѣкоторыя болѣе прочныя основы для такихъ сужденій.

Аспелинъ, собравшій наибольшій матеріалъ о сѣвер-

¹⁾ E. Baer. op. cit.

²⁾ Елисѣевъ, op. cit.

³⁾ Спицынъ, op. cit.

⁴⁾ Ibid. Въ своей книжѣ „По бѣлу свѣту. СПБ. 1895 г.“ Онъ утверждаетъ про Заяцкіе вавилоны что „вавилоны эти принадлежать доисторическимъ аборигенамъ нашего сѣвера“, стр, 95.

ныхъ лабиринтахъ, насчитывалъ въ 1877 г. въ Финляндіи до 50 лабиринтовъ, встрѣчающихся отъ крайняго сѣвера Балтійского моря—отъ Торнео, по всему берегу Ботническаго и Финскаго заливовъ, до г. Выборга. Аспелиномъ указаны 30 „приходовъ“ и городовъ, въ которыхъ (или въ ихъ окрестностяхъ) встрѣчены имъ лабиринты. Въ этихъ „приходахъ“ и городахъ имъ указано 37 отдѣльныхъ мѣсть съ лабиринтами. Относительно 5 мѣсть не указано, при морѣ или далеко отъ него находятся данные лабиринты; относительно 3 мѣсть имѣются помѣтки: „на возвышениі“ и „на горѣ“; сочтемъ, для осторожности, что въ обоихъ случаяхъ лабиринты находятся далеко отъ моря; наконецъ, въ одномъ случаѣ (изъ 37) указано, что лабиринтъ находится „вдали отъ морского берега“. Всѣ остальные мѣста нахожденія лабиринтовъ, т. е. 28 изъ общаго числа 37, находятся *вблизи отъ моря*, и почти всегда въ *тѣснѣйшей близи*: на островахъ—22, на шхерахъ—3, на полуостровѣ—1, въ гавані—1 и близъ маяка—1. Слѣдовательно, 75, 6⁰/₀ мѣсть съ лабиринтами въ въ Финляндіи *несомнѣнно* находятся въ тѣснѣйшей связи съ моремъ. Это заключеніе о связи лабиринтовъ съ моремъ подтверждается изученіемъ и всѣхъ другихъ лабиринтовъ, намъ извѣстныхъ. Академикъ Беръ открылъ лабиринты: на островѣ Виръ, близъ о. Гохланда, въ бухтѣ Виловатой на южномъ берегу Лапландіи, два лабиринта въ Пеноѣ, прибрежномъ силеніи въ Горлѣ Бѣлаго моря, а также указалъ на лабиринтъ въ Валитовой губѣ (въ Варангеръ-фюордѣ),—слѣдовательно, *всѣ*, извѣстные Беру лабиринты, при морѣ. Исторически извѣстенъ лабиринтъ близъ г. Колы, нынѣ не существующій,—*при залисѣ*. Кельсіеву было известно 3 лабиринта на Соловецкихъ островахъ¹⁾ и 2 или

---

¹⁾ Вѣроятно на Б. Заяцкомъ, входящемъ въ Соловецкій архипелагъ. Свѣдѣнія о Кельсіевѣ и Кольскомъ лабиринтѣ см. у Спинцина, оп. cit.

З на Мурманскомъ берегу—опять *при морѣ*. Елисѣевъ¹⁾ указывалъ на лабиринты на о. Заяцкихъ и Кемскихъ кузовахъ—*при морѣ*; внутри страны онъ видѣлъ вавилонъ у огромнаго озера Энаре, стекающаго въ океанъ. Наконецъ, здѣсь описанный впервые Кандалакшскій вавилонъ въ тѣснѣйшей близости къ морю.

Можно заключить отсюда, что, если исключить *одинъ* лабиринтъ въ Финляндіи и лабиринтъ у озера Энаре, мы и не знаемъ *вовсе другихъ лабиринтовъ*, кроме какъ расположенныхъ *при морѣ* — на берегу, на шхерахъ, полуостровахъ, мысахъ, островахъ, бухтахъ, заливахъ и т. п.—не знаемъ, по крайней мѣрѣ, изъ числа тѣхъ лабиринтовъ, мѣстоположеніе которыхъ намъ точно, географически извѣстно.

Этотъ совершенно естественный выводъ о преобладающемъ расположениіи всѣхъ извѣстныхъ намъ сѣверныхъ лабиринтовъ при водѣ или, точнѣе, *при морѣ*, кажется намъ весьма важнымъ для будущаго рѣшенія вопроса о происхожденіи и назначеніи сѣверныхъ лабиринтовъ.

Было бы чрезвычайно цѣнно установить исторію и значеніе тѣхъ мѣсть, где есть лабиринты, для данной мѣстности и населенія, установить соотношеніе между данной мѣстностью и вѣрованіями, обычаями, промыслами, занятіями, племеннымъ составомъ ея теперешняго и прошлаго населенія,—такое изученіе внесло бы много ясности въ вопросъ о лабиринтахъ.

Очень любопытны въ этомъ отношеніи Заяцкіе острова въ Бѣломъ морѣ, где насчитывается до 4 лабиринтовъ на Большомъ островѣ. Острова эти лежать, приблизительно на половинѣ морскаго пути съ Онежскаго берега къ Кандалакшскому. Путь этотъ всегда былъ важенъ и оживленъ, такъ какъ это была одна изъ частей великаго пути изъ Новгорода къ океану, проходившаго по р. Онегѣ, Онеж-

¹⁾ Елисѣевъ, оп. cit., а также „По бѣлу свѣту. СПБ. 1895 г.“, стр. 95.

ской губъ, мимо Заяцкихъ острововъ, въ Кандалакшскую губу и далъе тѣмъ водно-пѣшеходнымъ путемъ по Лапландіи, о которомъ говорено выше. Не долженъ быть миновать этихъ острововъ и еще болѣе древній путь съ варяжскаго крайняго сѣвера въ устье Сѣв. Двины, гдѣ происходила торговая встрѣча варяжскихъ, финскихъ и славянскихъ племенъ. Донынѣ этимъ путемъ новгородцевъ проходятъ поморы съ Лѣтняго берега и изъ Поморья, отправляясь, черезъ Лапландію, на промыслы на Мурманъ. Заяцкие острова служили и отчасти служатъ удобнымъ пристанищемъ на этомъ пути. Съ XVI вѣка сохранилась здѣсь прекрасная, сложенная изъ огромныхъ валуновъ, спокойная бухта для судовъ. Мореходное значеніе Заяцкихъ острововъ въ прошломъ, а отчасти и въ настоящемъ, внѣ сомнѣній.

Большой Заяцкій островъ весь усѣянъ нынѣ старыми и новыми деревянными крестами. Это не надгробные памятники, а кресты, которые поморы-мореходцы строятъ по обѣту: если въ морѣ свирѣпствуетъ буря или сильнѣйшіе вѣтры, мореходецъ, зайдя въ спокойную бухту Большого острова, рубить крестъ, вѣря, что отъ этой доброхотной жертвы Богу вѣтеръ утихнетъ; если, обратно, въ морѣ были мертвый штиль, и судно стояло неподвижно у острова, поморъ просилъ вѣтра, „попутника“, и рубилъ крестъ, вѣря, что жертва будетъ принята. Обычай этотъ донынѣ широко распространенъ по всему русскому сѣверу, по всему побережью С. Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Я видѣлъ на Б. Заяцкомъ островѣ крестъ, срубленный всего за 3 дня до моего приѣзда: поморъ просилъ у Бога вѣтра. Обычай моленія вѣтру еще недавно былъ распространенъ на Мурманѣ.

Не являются ли и сѣверные лабиринты, тѣсно связанные своимъ расположениемъ съ моремъ, памятниками языческихъ вѣрованій, сопряженныхъ именно съ моремъ, и въ частности—съ мореходствомъ и мореплаваніемъ? Недаромъ же они встрѣчаются всегда при морѣ и при томъ

въ странахъ, въ древности имѣвшихъ и нынѣ имѣющихъ живѣйшую связь съ моремъ—въ Скандинавіи, Финляндіи, прибрежной Лапландіи, Бѣломорьѣ, Мурманѣ.

У насъ нѣть достаточныхъ данныхъ, чтобы настаивать на этомъ предположеніи, но за него говорять слѣдующія соображенія основанныя на изученіи донынѣ известныхъ сѣверныхъ лабиринтовъ:

1) *Всѣ* они, за ничтожнымъ исключеніемъ, расположены *при морѣ*.

2) *Всѣ* они встречаются только въ странахъ, гдѣ *море* и въ исторіи и въ настоящемъ играло важнѣйшую роль, гдѣ населеніе живетъ моремъ.

3) Они неизвѣстны народамъ *не*—морскимъ, и, болѣе того, не встречаются вовсе въ срединѣ страны, т. е. тамъ, гдѣ занятія жителей не связаны съ моремъ.

4) Донынѣ населеніе указанныхъ странъ хранить цѣлый рядъ суевѣрій и обрядовъ, относящихся къ морю. Изъ христіанскихъ обрядовъ и обычаевъ, относящихся къ морю, повсемѣстѣ на русскомъ приморскомъ сѣверѣ обрядъ и обычай постановки креста для испрошенія себѣ благопріятнаго плаванія. Этотъ христіанскій обычай не замѣнилъ-ли какой-нибудь языческій обрядъ, относящейся также къ морю и связанный съ лабиринтомъ въ его значеніи мѣста для очищенія и искупительной жертвы, тѣмъ болѣе, что и великий символъ креста имѣеть сокровенное значеніе искупленія и жертвы.

Но, повторяемъ, все это лишь предположенія.

Для изученія лабиринтовъ важно указаніе стороны свѣта, куда обращены ихъ входъ и выходъ (или одинъ входъ), а также и сторона свѣта, гдѣ находится море по отношенію къ лабиринту. У Кандалакшскаго лабиринта море—на западѣ; входъ въ лабиринтъ—на противоположной къ морю сторонѣ—на востокѣ. У двухъ видѣнныхъ мною лабиринтовъ на Б. Заяцкомъ островѣ, близайшихъ къ церкви, выходы обращены на юго-западъ—къ морю. Эти данные не совпадаютъ съ данными Аспелина: въ ви-

дѣнныхъ имъ лабиринтахъ входъ у всѣхъ съ сѣвера; по наблюденіямъ же Елисѣева, „авеніе обыкновенно обращено къ югу“ ¹⁾.

Кандалакшскій лабиринтъ, по классификаціи Спицина ²⁾, долженъ принадлежать къ числу лабиринтовъ первой группы: малыхъ безъ перемычекъ; но ни подъ одинъ изъ 5 типовъ дальнѣйшаго изъ раздѣленія, предложеныхъ Спицынымъ, онъ не подходитъ,—у него, правда, одинъ центръ и одинъ ходъ, но, вопреки утвержденію Спицына ³⁾, что „лабиринты съ однимъ путемъ всегда заканчиваются тупикомъ въ центрѣ или же на боку“, и что „одинъ ходъ, направленный внутрь круга, можетъ оканчиваться лишь или центромъ, или боковымъ тупикомъ“,—Кандалакшскій лабиринтъ имѣеть одинъ ходъ и одинъ центръ, но вовсе не имѣеть тупика, имѣя вместо того замаскированное мнимой правильностью частей чертежа—раздвоеніе пути, не приводящее къ тупику, а сообщающееся (ходомъ 8-ымъ, см. 2 чертежъ) съ выходомъ. Никакихъ „значительныхъ кучъ камней, а также и другихъ узоровъ, выложенныхъ изъ камней“ ⁴⁾ и находящихся неподалеку отъ вавилона, какъ наблюдалъ это относительно нѣкоторыхъ вавилоновъ А. В. Елисѣевъ, около Кандалакшскаго вавилона нѣть.

С. Дурмылихъ.

¹⁾ Елисѣевъ, оп. cit.

²⁾ Спицынъ, оп. cit., стр. 109—110.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Елисѣевъ, оп. cit.